

в Египте. Только мелькиты (то есть империалисты, так называли византийских греков), как приверженцы учения византийских императоров, составляли исключение. Саладин, достигнув власти, из угождения Нуреддину возобновил древние указы против христиан; он приказал им носить особую одежду и пояс; запретил ездить на лошадях и мулах; одни ослы были им разрешены; они не допускались ни к какой общественной должности, не могли громко молиться в церквях и употреблять колокола, ни совершать на улицах процессии в Вербное воскресенье; стены церквей оставались закиданными грязью; кресты сбивались с куполов; самих христиан всячески преследовали, что заставило многих отказаться от религии. Но после смерти Нуреддина Саладин, оставшись полновластным господином, прекратил преследования и возвратил всем свободу. Он не только дал христианам право занимать места, но даже сего эмиры, братья, племянники, дети брали христиан на службу и делали их своими управителями, секретарями и поверенными. Такое обращение расположило к нему весьма египетских христиан; и это обстоятельство в соединении с другими чертами его великодушия по отношению к враждебным ему христианам, распространило славу султана на Востоке и Западе. Этим объясняются те великолепные и даже преувеличенные похвалы, которыми осыпают Саладина христианские писатели, и особенно итальянцы; эти похвалы доходят до того, что, может быть, трудно будет найти что-нибудь подобное у самих мусульманских авторов. Вот каким образом выражается о Саладине один христианский писатель, копт, в своей арабской «Истории Александрийских патриархов» (см. о нем выше):

«Саладин при всех своих договорах с франками оставался верным данному слову. Если сдавался город, он давал жителям свободный выход вместе с жемами, детьми и имуществом. Относительно пленных му-

сульман Саладин предлагал христианам выкуп, превышающий их стоимость; если франки отказывались, он обыкновенно говорил: «Я оставляю вам ваших пленных, но обращайтесь с ними столь же хорошо, как я со своими». Вследствие того многие христиане отсылали ему добровольно мусульманских пленных, и султан щедро вознаграждал их за то. Часто случалось, что осажденные неприятели после взятия города выходили из него в полном вооружении, в панцире, набедреннике и шлеме, одним словом, как бы они шли на битву. Видя их, султан сначала улыбался и потом плакал; он не только не делал им зла, но даже давал конвой для их охранения. Так действовал Саладин по отношению к своим врагам, сообразуясь с предписаниями Пятикнижия: «Если, когда ты сидишь, осел твоего неприятеля пройдет с проклажей, свалившейся на одну сторону, то встань и поправь поклажу на середину»; или со словами Евангелия: «Любите врагов ваших; творите добро ненавидящим вас; благословляйте кляущих вас и молитесь за оскорбляющих вас»; одним словом, он приравнивался ко многим другим местам подобного же содержания, которые мы опускаем для краткости. Таким образом, Саладин в своих действиях следовал этим обоим законам (то есть Ветхому и Новому Заветам), не зная их, и только по одному Божественному внушению. А потому он и умер спокойно на своем ложе и имел достохвальнейший конец, как сам, так и все его потомство»...

Но Эмаледдин, секретарь Саладина, восклицает: «С Саладином вымерли великие люди; вместе с ним перевелись и люди достойные; добрые дела уменьшились, злые увеличились, жизнь сделалась труднее; земля покрылась мраком; наш век должен был оплакивать своего феникса, и исламизм лишился последней опоры».